

УДК 821.161.1

СТИХОТВОРЕНИЕ «СТРАННИК» А.С.ПУШКИНА (ОПЫТ АНАЛИЗА ДУХОВНО-ДУШЕВНОГО КОНТЕКСТА И ВОЗМОЖНЫХ ИСТОЧНИКОВ)

В.Н.Аношкина-Касаткина

POEM "THE WANDERER" BY ALEXANDER PUSHKIN (REVIEW OF SPIRITUAL AND MENTAL CONTEXT AND POSSIBLE SOURCES)

V.N.Anoshkina-Kasatkina

Московский государственный областной университет, bvk888@mail.ru

Первоначально названное «отрывком», стихотворение «Странник» перерастает в замысел глубокой поэмы о никому не ведомых путях душевной жизни человека, о возможностях его духовного преображения. Изучение «Странника» значительно углубляет существующее представление о духовном мире поэта, о его понимании русского народа, томящегося в стремлении к религиозной Истине.

Ключевые слова: *Русская словесность, Пушкин, вера, духовные искания*

Originally called the "passage", the verse "The Wanderer" develops into a plot of a poem about secret spiritual paths of a man, about the possibilities for spiritual transformation. The study "The Wanderer" significantly enhances current understanding of the spiritual world of the poet, of his perception of the Russian people, seeking for religious Truth.

Keywords: *Russian literature, Pushkin, faith, spiritual quest*

Хорошо известен отклик гения А.С.Пушкина на поток жизни во всём многообразии времени: настоящего, прошедшего и будущего, предчувствуемого, предвиденного человеком. Как верно сказано: «Великий поэт, говоря о себе самом, о своём я, говорит об общем — о человечестве, ибо в его натуре лежит всё, чем живёт человечество» <...> и поэтому всякий узнаёт в нём «брата своего по человечеству» [1]. «Мудрость Пушкина» — глубоко справедливо М.О.Гершензон [2] назвал свою книгу! Мудрость поэта активно отмечал и рассматривал Н.Н.Скатов [3] и все, кто соприкасался дружески с Александром Сергеевичем или изучал его творчество.

Два главных мотива соединились уже в начале изучаемого стихотворения — «духовно-душевного томления» и «пути-дороги». В этом отношении «Странник» (1835) восходит к «Пророку» (1826). По-видимому, более десяти лет их разделяют, однако Пушкин повторил исходную психологически-жизненную ситуацию: «Духовной жаждой томим, / В пустыне мрачной я влачился <...> на перепутье...» (III, 30) [4] — так определено в первом стихотворении, а во втором: «Однажды странствуя среди долины дикой, / Внезапно был объят я скорбию великой / И тяжким бременем подавлен и согбён...» (III, 391).

«Перепутье» и «пустыня мрачная», а также странствие в «долине дикой» — в том и другом словоупотреблении даны в метафорическом варианте. Имеется в виду жизнь человека на определённом этапе своего бытия, а именно, пребывания в людской «пустыне». Пушкин ушёл от реальной ситуации к философскому осмыслению человеческого существования и закончил то и другое стихотворения мотивом «встречи со святостью». В первом создан образ «шестокрылого Серафима», а во втором — появился образ юноши с тихим взором, читающего книгу (несомненно, «книгу жизни» — символ мудрости) и указавшего страннику «свет» в конце пути: «спасенья верный путь и тесные врата». Пушкин создал выразительный образ «тесных врат» спасения человека. Но Врата открыты: «Ступай!» — сказал юноша, показавший свет вдали, — «и я бежать пустился в тот же миг», а это «я» «наш брат по человечеству» (В.Г.Белинский). По-существу и второе стихотворение завершилось важнейшим мотивом пушкинского творчества, да и всей русской литературы — «преображения человека» [5].

Пушкин находился во власти серьёзнейших философских размышлений.

В поэте живёт заветное признание ещё десятилетней давности, адресованное другу-философу,

«брату родному по музам, по судьбам» В.К.Кюхельбекеру: «Служенье муз не терпит суеты; / Прекрасное должно быть величаво...» («19 октября»). Но и в 1835 г. в стихотворной миниатюре «Я думал сердце позабыло...» поэт вновь заявил о своём трепете «Пред мощной властью красоты». Итак, провозглашено величие красоты, её мощная власть. Создавая «Странника», Пушкин отказался от «пёстрого сора» бытия онегиных, от «легкокрылых мечтаний» беспечности юных лет. Он отвергает советы друзей продолжать знаменитый роман в стихах и собирать «оброк», «умеренную плату» за «Евгения Онегина». Плетнёв и другие друзья-доброжелатели шутят и любят проявления пушкинской Музы во всех её видах. О «бедности» и «богатстве» помнит поэт, и о деньгах тоже, но «нечего об этом толковать». Теперь Пушкин произнёс многозначительную фразу: «В молчании добро должно твориться» (ср. с тютчевским «Silentium!»). Молчаливые глубины души занимают поэтов — зреющее там «добро», ещё не ведомое людям, значительно. В стихотворениях, а часто это незавершённые миниатюры, явна недоговорённость, какие-то пропуски, многоточия, может быть, намёки. Таков один вид стихотворного контекста «Странника» 1835 года.

В стихотворном контексте этого года заметно свойственное Пушкину осознание многонациональных глубин человеческой души, опыта даже древних народов, их поэтического выражения каких-либо знаковых примет. То из Анакреона, то из ассирийской, из арабской, древнееврейской, древней римской, из испанской, французской жизни, притом разных эпох, черпает Пушкин образные детали, происшествия, особенности, а то и констатации с разных точек зрения главного итога жизни человека. Поэт размышляет о бытии: и о его маленьких, будто незначительных радостях, но и бедствиях, испытаниях, даже конечных выводах и свершениях. Пожалуй, главным повторяющимся мотивом и прежде всего в больших, серьёзных, во многом философских стихотворениях оказывается — «поиск пути жизни». «Брожу ли я» — повторяющаяся ситуация во многих вариантах: «Когда за городом, задумчив, я брожу...», «если ехать вам случится...», «вновь я посетил...», «скакать на бешеном коне...». Повторяется неоднократно и любимый у поэта образ коня: «узнают коней ретивых...», «не видала ль, девица, / Коня моего?» (о коне, который «проклинал» своего всадника). А ещё раньше создано специальное стихотворение «Конь» (1834): «Что ты ржёшь, мой конь ретивый?...» <...> «Оттого я ржу, что в поле / Уж не долго мне гулять...». В стихах — и «первые походы», но и мирный «путник» и много «дорог». В творческом сознании Пушкина живут все эти образы, в них — восприятие жизни как вечного движения: и бурного, опасного, но и мирного, часто одинокого, задумчивого хождения, или странничества — движения к завершению земного бытия. У Пушкина: «я брожу» и размышляю о цели жизни, о её сущности и ценностях. Не потерять бы их! В обширном стихотворении «Полководец» (1835) рисуется поэт в картинной галерее «начальников народных наших сил», объятый

«вечной памятью двенадцатого года»: «меж ими я брожу». Лирическое «я»-автор думает о выдающемся полководце Барклае-де-Толли, предшественнике М.И.Кутузова в истории военных свершений тех лет. Отнюдь не уравнивая их заслуги, Пушкин славил Кутузова, называя его: «Маститый страж страны державной, / Смиритель всех её врагов...» [6]. Имя его священо, как пишет Пушкин [6, с. 133], но и другой достойный полководец не должен быть забытым. «Всё в жертву ты принёс земле тебе чужой», — с чувством благодарности заявляет поэт, и рисует ситуацию непонимания окружающими высоких помыслов человека, «над кем ругается слепой и буйный век» (III, 380), и лишь в «грядущем поколеньи» он получит признание.

Звучит мотив каких-то «битв», «сражений», ужасных «браней», то военных, то житейски-социальных, необходимости сопротивления для человека, часто вынужденного «в молчанье» и одиночестве идти навстречу своему предназначению. Но ведь «уносит к небесам бессмертный дух героя» («Из Шенъ» — III, 382). Непонимание, иногда преднамеренное, а то и козни «неразумных», в конце концов, тщетны. В стихотворении «На выздоровление Лукулла (подражание латинскому)» поэт поведал о предвкушении близких «богача молодого», мечтающих о наживах после смерти родственника. И зачем нужны богатства смертному? — Memento mori! Однако в жизни всё переменчиво... — так заканчивается стихотворный текст с темой «богатства». Но в контексте и иное: «О бедность! затвердил я наконец / Урок твой горький...». Создана теперь миниатюра о ценностях жизни, о добре как пути к истине и спасению; «урок жизни» получен: «Я чувствую, что не совсем погибнул / Я с участью моей» (III, 402). Идея поиска и обретения истинного «добра» закрепляется в стихотворениях поэта.

В элегии «Вновь я посетил...» опять возник образ путника в дороге, но особой: она лежит на пересечении прошлого и будущего, их схождения в добре воспоминаний и добре надежд. А в этом и заключается оптимистическая Истина жизни, запечатлённая в пушкинской поэзии. Есть подобное и в следующем произведении, исполненном глубокого лиризма. «Когда за городом, задумчив я брожу...» (1836) — элегия, ещё более близкая трагической кончине самого поэта, в стихотворении с кладбищенским мотивом, традиционным для романтизма. Пушкин, однако, в первой строфе будто отказался от прежнего стиля в пользу реализма, но духовно-душевное его состояние возвращает к традициям В.А.Жуковского. Возник образ сельского кладбища и «селянина», который «проходит <...> с молитвой и вздохом» (III, 422) меж камней гробовых. Появился здесь и «дуб» над могилами, совпадающий с лермонтовским из тоже итогового стихотворения поэта «Выхожу один я на дорогу...». Во многом были близки духовные искания поэтов «свободы» и «покоя» [7].

В произведении балладного типа «На Испанию родную...» (1835) [8] поэт договорил многое из своих размышлений о жизненном пути и назначении человека, об итогах его существования. В сюжете баллады

рассказано о человеке высокого ранга — короле Родрике. Он не безупречен в моральном отношении: совершил нравственную ошибку, похитив дочь графа Юлиана, и тем самым «обесчестив его род» (мотив влюблённости короля не вошёл в сюжет). Развёрнуто повествование о мести графа «за личную обиду»: он предал родину, призвав мавров, начались кровопролитные битвы. Король Родрик отчаянно сражался и был на краю гибели, но всё же спасся и, неведомый, он ушёл во мраке ночи с поля сражения; его сочли погибшим.

Самыми важными в этом произведении оказались две следующие его части, в которых сообщается о том, как король, освободившись от своего трона, начал новую жизнь — простого человека: «Стариков и бедных женщин / На распутьях видит он <... > / Все, рыдая, молят Бога / О спасенье христиан, / Все Родрика проклинают; / И проклятья слышит он» (III, 384-385). Но бывший король не смеет даже попросить кого-либо за него помолиться. Баллада повествует о его жалкой, бедной жизни в одинокой пещере на пустынном берегу моря, где раньше жил отшельник. Пушкин подошёл к кульминации сюжета, главному его смыслу. Обнаружив труп отшельника, Родрик помолился об усопшем, похоронил его по христианским обычаям и здесь же поселился на его могиле. Автор-повествователь не скрывает трудных, мучительных лет жизни бывшего короля: его преследует «лукавый искуситель» напоминаниями о прошлом. Родрик впадает в уныние, ему трудно молиться Богу, а ведь только в молитве — спасение человека. Баллада подвела к развязке, главному выводу:

Но отшельник, чьи останки
Он усердно схоронил,
За него перед Всевышним
Заступился в небесах.

(III, 386)

Явившись королю в сновидении, небесный угодник сообщил несчастному о прощении и возвращении ему короны для победы над врагами отчизны. Король Родрик исполнил Высшую Волю.

Народный, а вместе и пушкинский балладный сюжет поведал о результатах добрых дел, о плодах того «добра», которое хранится в молчаливых глубинах человеческой души, о чём поэт говорил и в других своих стихотворениях 1835-го года и следующих, а особенно в молитвенном — «Отцы-пустынники и жёны непорочны...» — в молитве святого Ефрема Сирина.

Призыв к служению добру Пушкин соотносил и с собственной жизнью. В своём ещё одном итоговом стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836) он прямо и уверенно заявил:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

(III, 424)

Стихотворение заканчивалось молитвой о высших нравственных ценностях, которыми должна обладать душа человека вообще, а поэта — в особенности: молитвой о смирении и послушании Господу,

о милосердии и терпении в отношениях с людьми. Об этом поэт думал, перелагая в своих стихах молитву Преподобного Ефрема Сирина.

Балладу о короле Родрике обычно печатают в непосредственной близости (среди стихотворений конца апреля — летних месяцев 1835 года) к «Страннику».

«Странник» — большое сюжетное стихотворение, по существу это маленькая поэма, очень значительная по содержанию, повествующая о заключительном этапе жизни человека (ничего не сообщается о его дальнейшей жизни). В произведении запечатлено душевно-духовно кризисное состояние. Его Пушкин-психолог обозначил словами: «объят я скорбью великой / И тяжким бременем подавлен и согбён»; «муки души», чувство раскаяния по неизвестному поводу, «горечь», «мотаясь, как больной», «сетуя», «уныние», «мысли мрачные», «скорбь», «тоска и ужас», «мы погибнем все», «я плакал и вздыхал», бессонница, «как безумный». Психологическое состояние подробно представлено. Герой произведения, его лиро-эпическое «я» — это отнюдь не старик, скорее молодой, или среднего возраста человек, семейный, что особенно подчёркнуто. Его семья — активная участница событий. У него есть жена, дети, родственники — «домашние», какие-то «приятели», соседи, другие люди, отзывающиеся на то, что происходит рядом с ними. Главный персонаж произведения выглядит как очень общительная личность, окружённая многими людьми. Но понимают ли они его? — Нет! Разрыв лирического «я» с окружающими всё усиливается.

Повествование от первого лица (обычно называют этот способ рассказывания словом *Icherzahlung*) побуждает и в анализе текста отождествляться с его «героем»: «моё» душевное состояние напоминает тяжёлое *предчувствие* приближения страшных катастроф, общественно значимых. В тексте произведения нет конкретизации, рисуется пугающее зрелище возможных бедствий для всех:

Идёт! уж близко, близко время:
Наш город пламенем и ветрам обречён;
Он в угли и золу вдруг будет обращён,
И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обрести убежище; а где? о горе, горе!

(III, 391-392)

Где обрести убежище, как спастись? — мучительные вопросы. Проблема спасения людей — главная, кардинальная в произведении. Ответ Пушкина таков: путь жизни человек проходит через «тесные врата» испытаний разного типа, у каждого — своя дорога жизни, но через «узкие врата» (второй синонимичный образ у поэта). Путь жизни требует мужества и стойкости, даже героизма, иначе не выдержать «битв», «сражений» бытия. Но идти нужно вперёд и видеть «свет» впереди, тот «свет» святости, указанный Господом человеку, страннику по жизни.

Обращает на себя внимание взятый Пушкиным способ выражения своих мыслей — не лирический, которым он владел в совершенстве, а повествовательный: «я» рассказываю... Но речь рассказчика полна драматизма, все участники событий говорят.

Действие развёртывается непосредственно перед слушателями-зрителями. Создаётся эффект непосредственного участия в происходящем, в рассказываемом. Но неясно, кому адресована речь. Первоначально произведение печаталось под названием «Отрывок» [9]. Издатели его воспринимали как текст незавершённый, и конец произведения наводил на такое понимание. Что же произошло со странником в дальнейшем? Пушкин не дал ответа. Однако он в своей рукописи зачеркнул слово «отрывок» в качестве заглавия и написал сверху новое слово «Странник»; так и печатается ныне текст.

Итак, образ рассказчика существует в произведении, его голос — главный, а рассказ его откровенный и простодушный, бесхитростный. Он поведал слушателям о самом главном в своей жизни. Суть рассказа — идея непонимания даже близкими людьми (о чём свидетельствуют их «крики», «ругань», уговоры, «хитрости», разные уловки, чтобы мешать ему) потребностей его души, её нравственных мучений, «духовной жажды». И всё это происходит в общении с «простыми людьми», отнюдь не врагами. Но желающий быть «странником» проявил стойкость и мужество, не изменившую ему решимость найти путь к спасению, и он его «свет» увидел, а значит, нашёл.

Источником «Странника» обычно считают сочинение английского писателя Джона Буньяна (1628—1688), обладавшего сложной биографией. Его жизнь была наполнена нравственными падениями и нравственными возвышениями, но закончилась пастырской деятельностью, в которой успешные проповеди играли главную роль и соответствовали таланту писателя. Им создано «Путешествие пилигрима в Небесную страну. Аллегорический рассказ (подобие сновидения)» [10]. На русском языке было издано впервые Н.И.Новиковым в 1786 г. с немецкого перевода и не полностью. Текст этого издания мог прочитать и Пушкин. В «Предисловии» к изданию 1878 года [11] отмечен «беспримечательный в истории успех» этого сочинения, составившего «целую эпоху в духовно-нравственной литературе», и в России в своё время оно произвело «немалый переворот» [11]. Публикации перевода английского текста здесь предшествовало пушкинское стихотворение «Странник»: так делалось и в дальнейших переизданиях «Путешествия...».

Действительно, первые строфы «Странника» представляют собой стихотворное изложение первых страниц Д.Буньяна, который начал повествование фразой: «Когда я странствовал по дикой пустыне этого мира, я наткнулся на одно место, где находился вертеп <...> И вот приснился мне сон...» (31) Первые слова фразы вошли в пушкинский текст, но он убрал фантастику сновидения, а она — главное образное средство у писателя XVII века. Пушкина не увлекли его аллегории, человекоподобные отвлечённые понятия, говорящие и ведущие себя как люди в их схематической однозначности проявления: «Упрямый», «Сговорчивый», «Доблестный», «Мирской мудрец», «Законность», «Благоволение», «Истолкователь», «Уповающий», «Проницательный», «Неведующий» (его «выбросили вон»), «Стой твёрдо» и т.д. Логически оформленные человеческие, но безымянные не-

достатки и достоинства действуют и разговаривают, условности преобладают в старинном произведении. Всё это чуждо Пушкину-художнику и мыслителю. Он тяготеет в «Страннике» к реальным людям со всей сложностью и неоднозначностью их действий и побуждений. Пушкина интересует не дорога в ад, она очевидна и без художественной палитры, а дорога к спасению, «свету» во всей его многомерности. Талантливо воспроизведённая конфликтная семейная ситуация привлекла внимание Пушкина, тоже и образ «тесных врат», чрез которые должен пройти каждый человек, но стиливая архаика аллегорических образов его, видимо, оттолкнула. Он придал якобы «отрывку» самостоятельный характер, назвал по-своему произведение и углубил по-русски его смысл, его религиозную идею.

Примечательно хронологическое совпадение пушкинского произведения — «Странника» — с некоторыми важными событиями тех лет. Н.Н.Скатов заметил, рассматривая творчество позднего Пушкина: «Оттолкнувшись от старого английского романа «Путь пилигрима», представил и прогнозировал в «Страннике» такие пути, которыми действительно предстояло пройти многим великим странникам, пилигримам и страстотерпцам в русской жизни и в русской литературе...». Учёный напомнил об «уходе» Л.Н.Толстого [3]. И.В.Сурач справедливо отметила, сославшись на П.В.Анненкова, интерес Пушкина к древнерусским житиям, а «пик его интереса и внимания к житийной литературе приходится, судя по всему, на 1835-й год...» [12]. Подтверждая это мнение, хочется добавить, что к этому «пику» интереса поэта к религиозной литературе относится и паломническая её разновидность, готовящая пушкинского «Странника» [13].

Современная жизнь подсказывала Пушкину сюжеты, мотивы, художественные образы, даже самую повествовательную манеру. Н.Н.Скатов указал на значимый поступок Л.Н.Толстого в конце жизни — факт, побуждающий ко многим философско-психологическим размышлениям.

Но есть и более близкие к Пушкину события и судьбы, и они могли быть в той или иной степени ему известны.

Следует указать на «Биографию Святогорца...». Иеромонах Сергей, от рождения Симеон, получил впоследствии имя «Святогорец», так как поселился на Святой горе Афонской и рассказал о своей жизни [14]. То было пушкинское время. Главные события, сделавшиеся предметом повествования, относятся к середине и второй половине 1830-х годов: 1834, 1836, 1839 годы и предшествовавшее им время, а 23 марта 1844 года, на тридцатом году жизни, он принял схиму и стал «уже всецело Святогорцем» (127).

Пушкин пишет своего «Странника», и в его произведении много совпадений с реалиями, сообщёнными Симеоном-Святогорцем (его имена менялись по мере продвижения, по иерархическому монашескому пути).

Прежде всего, заметим: в «Биографии Святогорца...» появился образ рассказчика, притом, в раз-

ных обликах. Всё время слышится его голос. Путешественник-рассказчик — примета русской жизни той поры. Сам Симеон «своею красноречивою и увлекающею беседою» (89) собирал домочадцев вокруг себя, всех интересовали его «рассказы»; его «беседы» (эти слова часто употребляются в рассматриваемом тексте). Вообще в семье Симеона возникали «частые беседы» о делах духовных, принимали «странников» и слушали их рассказы о святых местах. Особенно был любим дедушка Андрей, который, сидя на печке, рассказывал о своих странствованиях; он был «странник во всём объёме этого слова», и он «пустился странствовать по святым местам» (93). Симеон вспоминает: «...мы все сидим около него и внимательно слушаем» (там же). Рисуется ситуация, характерная для русской жизни первой половины XIX века. Была высока культура устной народной речи, и фольклорно-поэтическая, но и за пределами поэзии. Искусству устного «сказа» придавалось большое значение, этот «сказ» был и средством интереснейшей, полезной информации для народа. Пушкинская няня Арина Родионовна, как известно, тоже была мастерица-рассказчица, горячо любящая своего воспитанника, а тот ей отвечал взаимностью. К 1830-м годам относится и создание Пушкиным сказок, связанных, несомненно, с личностью няни; поэт всегда с уважением и симпатией относился к русским крестьянам, и «простым людям» из народа. Симеон рисует в своей «Биографии...» жизнь семьи деревенского дьячка, многочисленной и совсем не богатой.

И ещё следует назвать близкий по стилю и содержанию «Рассказ Святогорца, схимонаха Селевкия...» (СПб., 1860) [15], в нём появился образ двух юношей (сон приснился страннику), оба наглядно представили Селевкию, как опасно грешить, необходимо духовно очищаться и быть в «светлых одеждах» на путях к Царю Небесному; Господь «показал мне истинный путь», — говорит рассказчик.

В «Биографии Святогорца...» Симеон перечислил святые места, которые привлекают странников: Сергиева Лавра, где хранятся святые мощи угодника Божия Сергия (в Подмоскowie), ещё Саров, Валаам, Белые берега, и особенно притягивает паломников в Сарове и на Валааме соблюдение «полного общежития» (96-97).

После окончания семинарии в 1834 г. молодой человек решил осуществить своё давнее благочестивое намерение, которое укрепило в нём: снился ему свет на востоке, в церквях. Но его братья, хотя и были любящими, не одобрили его желания, стали возражать ему «много и долго», рисовали разные препятствия. И «не только братья и родственники, но и знакомые объявили Симеону почти открытую войну и страшно надоедали ему своими советами и уговариваниями» (109); это было «нападение родных, которые уже серьезно начинали сердиться на него...» (109). Симеон оказался в «безвыходном положении». «Истомлённый внутренней борьбою» (109-110) он согласился с братьями искать для себя служебного места и жениться. Это и было сделано. Но душа его «жаждала и искала» другого пути, мечты детства не покидали его, они звали «куда-то далеко — далеко!»

(112). Он затаил мечты, и было ему 22 года, он уже — «юный пастырь», вспоминает рассказчик.

И Симеон, как и Пушкин, во время великого поста читал молитву Преподобного Ефрема Сирина и, «умиляясь сердцем, плакал...» (114). Но плакал уже не столько о кончине своей жены, которую потерял, «а о том, что не последовал первому порыву сердца», не уединился в обители иноческой, о чём мечтал ещё ребёнком» (114). Но случай помог ему: он присоединился к крестьянам-странникам, которые отправлялись к соловецким святым 10 апреля 1836 года. Пушкин в это время перелагал стихами молитву святого праведного Ефрема Сирина «Отцы-пустынники и жёны непорочны...», а о. Симеон «положил котомку за плеча — взял страннический посох в руки и — пустился в путь далёкий» (116). Теперь он «был совершенно покоен духом...» (там же).

Пушкин незадолго до этого написал своего «Странника». Поэт так в стихах обрисовал положение, в котором оказался его «странник» перед «ухомом» из семьи:

Мои домашние в смущение пришли
И здравый ум во мне расстроенным почли.
Но думали, что ночь и сна покой целебный
Охолодят во мне болезни жар враждебный.
Я лёг, но во всю ночь всё плакал и вздыхал
И ни на миг очей тяжёлых не смыкал.
Потру я один сидел, оставя ложе.
Они пришли ко мне; на их вопрос, я то же,
Что прежде говорил. Тут ближние мои,
Не доверяя мне, за должное почли
Прибегнуть к строгости. Они с ожесточеньем
Меня на правый путь и бранью и презреньем
Старались обратить. Но я, не внемля им,
Всё плакал и вздыхал, унынием тесним.
И наконец они от крика утомились
И от меня, махнув рукою, отступились
Как от безумного, чья речь и дикий плач
Докучны, и кому суровый нужен врач.

Пошёл я вновь бродить, уныньем изнывая...
(III, 392)

Пушкинский человек, объятый страхом и тоской, встретил юношу, который спросил его о причине плача, и, узнав её, сказал: «Чего же ты ждёшь? Зачем не убежишь отсюда?» И я: «Куда ж бежать? Какой мне выбрать путь?» Ему был указан «свет» вдали.

Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,
Как от бельма врачом извлеченный слепец.
(III, 393)

А в «Биографии Святогорца» — тот же образ, та же ассоциация с прозрением слепого: «Как будто какая повязка спала теперь с душевных очей о. Серафима, и узы, которыми, казалось, был он опутан до сего времени разрешились сами собою» (122). Это произошло после того, как Симеон постригся в монашество и принял имя Серафима (имя, которое трижды встречается у Пушкина). Серафим-Святогорец нашёл свой истинный «прямой» путь спасения, предназначенный ему Господом (122-123).

И пушкинскому «страннику» указан юношей истинный «путь»: «Иди ж, — он продолжал: — дер-

жись сего ты света: / Пусть будет он тебе [единственная] мета» (III, 393).

Пушкин повторил в своём произведении картину преследования ближними «странника» (здесь и «крики», «брань», «поношение», «смех», погоня со стремлением «силой воротить...»), но странник хотел «скорей узреть, оставя те места, / Спасенья верный путь и тесные врата» (III, 393).

В «Биографии Святогорца» с трогательным простодушием рассказано, как Симеон, впоследствии Серафим-Святогорец, «обливаясь слезами умиления, <...> лобызал землю, стены монастырские и усердно молился и благодарил Господа, его Матерь и святых угодников». Он посетил святыни Московские и Киевские, а 10 октября 1843 года вступил на святую гору Афонскую, где «тихо и покойно, с молитвою на устах и в сердце, отошёл он в жизнь вечную», что случилось 17 декабря 1853 года (136).

Помня о том, что первоначально пушкинский «Странник» печатали под названием «Отрывок», можно себе вообразить жизнь его удивительного персонажа за пределами стихотворного текста подобной Серафиму-Святогорцу, младшему современнику поэта — русского гения. Ведь гений в сердце и уме — носитель лучшего в человечестве, он «истинный брат по человечеству».

Многое совпадает в тексте Пушкина и Святогорца: главная идея — путь спасения человека ведёт к святости; социально-нравственная ситуация — непонимание близкими людьми духовного томления человека, его «духовной жажды»; повествовательный стиль — образ простодушного, откровенного рассказчика; метафорически-символическое словоупотребление: «путь-дорога» — жизнь человека, «свет» — религиозная святость, «прозревший слепец» — душевно очистившийся грешник, «духовная жажда», духовное «бремя» — тяжесть грехов, стремление освободиться от них, испытать святости; «плач» — свидетельство раскаяния. На сходном образном языке говорят писатели; в их Слове светится их душа.

Пушкин не мог читать писания Святогорцев, их книги были изданы в 1860-х годах, однако сам факт посмертного издания их сочинений свидетельствует об известности паломников, их боголюбивых подвигов. Устные рассказы о них Пушкин мог слышать; ему и героям его сочинений не чужда любовь к вечерним, особенно зимним семейным беседам. Поэт хорошо знал их прелесть. Святогорец Симеон выделил в своей книге Саров вместе с Валааком; он посетил Саров, святое место Преподобного Серафима Саровского, весьма почитаемое в пушкинское время [16, 17]. Некоторые пушкинисты допускают, что и Александр Сергеевич, находясь в Болдине, осенью 1830-го года, а его село было недалеко от Сарова, посетил святое место [17, с. 137-138] и встретился со святым старцем; намёк на это содержится в его письмах. Если это так, то тогда Пушкин тоже мог услышать рассказы о паломниках, подобных тем, что описаны в книгах Святогорцев, а, может, и о них самих.

Пушкин был отвлечён от вызревавшего в нём сюжета о страннике прозой 1830-х годов. Он поглощён событиями XVIII века в «Повестях Белкина»,

«Капитанской дочке», в которой тоже рассказчик (Icherzahlung), тоже простодушно-откровенный и честный, повествует «по-семейному» о случившемся. «Странник» по-своему примыкает к этой прозе.

То, что первоначально было названо «отрывком», конечно, могло перерасти в глубоко содержательную поэму о никому не ведомых путях душевной жизни человека, о возможностях его духовного преобразования. Книги Святогорцев в устном варианте существования их замыслов могли быть одним из источников пушкинского «Странника». Изучение сочинения Пушкина, укоренившегося в его творчестве последнего периода, значительно углубляет существующее представление о духовном мире поэта, о его понимании русского народа, о нашем человеке, томящемся в стремлении к религиозной Истине и вопреки всему и всем идущего к ней.

1. Белинский В.Г. Стихотворения М.Ю.Лермонтова // Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 3. С. 254.
2. Гершензон М.О. Мудрость Пушкина. М., 1919. 465 с.
3. Скотов Н.Н. Русский гений. Научно-художественная биография А.С.Пушкина. М.: Центр «Классика», 1999. С. 526-589.
4. Здесь и далее цит. по изд.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1948. Т. III. Страницы и том указываются в скобках после цитат.
5. Гаричева Е.А. «Мир станет Красота Христова» категория преобразования в русской словесности XVI—XX вв. Великий Новгород, 2008. 296 с.
6. Пушкин А.С. Объяснение // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.: Воскресенье, 1996. Т. 12. С. 133-134.
7. Аношкина-Касаткина В.Н. «Свобода» и «покой» — мечты поэтов (философские размышления в русской поэзии XIX века) // Литература и история. XIX век. Вып. V. Сост., отв. ред. В.Н.Аношкина-Касаткина, А.В.Шмелёва. М.: Изд. МГОУ, 2013. С. 19-41.
8. Пушкин использовал здесь народные легенды, предания испанских христиан, а также поэму Р.Саути «Родерик, последний из готов»; См.: Приложение // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10-ти томах. Изд. 4-е. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 466.
9. Сочинения Пушкина / Изд. подгот. Анненковым. Т. III. 1855. С. 39; также в кн.: Жуковский В.А. Посмертное издание сочинений Пушкина. Т. IX. 1841. Однако см. в кн.: Пушкин. Библиотека великих писателей под ред. С.А.Венгерова (СПб., 1909. С. 497). Здесь печатается под названием «Странник» [Не закончено].
10. Путешествие пилигрима в Небесную страну. Аллегорический рассказ (подобие сновидения) Джона Буньяна / Перевод с англ. Ю.Д.З. Перепечатано со второго испр. изд. 1881 г. Вновь испр. СПб.: Книгоизд. «Пчела», <б.г.>. Здесь и далее цит. по этому изд., сразу после цитаты в скобках указаны страницы.
11. Джон Буньян. Путешествие пилигрима. Духовная война / Перевод с англ. Ю.Д.З. СПб., 1878. Предисловие. С. 10.
12. Сураат И.В. Два сюжета поздней лирики Пушкина // Московский пушкинист. IV. Ежегодный сборник / Сост. и науч. ред. В.С.Непомнящий. М.: Наследие, 1997. С. 66. См. также её анализ стихотворения, условно названного «Родрик», которое она рассмотрела в связях с размышлениями поэта о личной судьбе, указав и такие пушкинские шедевры, как «Полководец», «Туча», «Странник», «Вновь я посетил...», «Когда владыка ассирийский...» (см.: с. 51-71).
13. См. также о духовных устремлениях народа, о пути к Православию в кн.: Моторин А.В. Духовные направления в русской словесности XIX века: Монография; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2012. 544 с. См. также: Тарасов Ф.Б. Евангельское слово в творчестве

- Пушкина и Достоевского. М.: Языки славянской культуры, 2011. 208 с.
14. Биография Святогора, письма его к друзьям своим о Святой горе Афонской, до ныне неизданные и келейные записки. СПб., 1866. Далее цит. по этому изданию, сразу после цитаты в скобках указаны страницы. См.: Александрова-Осокина О.Н. Паломническое литературное путешествие в русской литературе 1800—1860-х гг.: русский образ Святой Земли. Хабаровск: Изд. ДВГУ, 2014. 383 с.
 15. Рассказ Святогора, схимонаха Селевкия... СПб., 1860. В дальнейшем ссылки сделаны на это сочинение, сразу после цитаты в скобках указаны страницы. См.: об этой паломнической литературе в кн.: Александрова-Осокина О.Н. Указ соч.
 16. Преподобный Серафим Саровский и русская литература. Сб. статей / Под ред. Т.К.Батуровой, В.П.Зверева. М.: Изд. МГОУ, 2004. 300 с.
 17. «Грядите с Богом!». Преподобный Серафим Саровский и духовность русской литературы XIX века / Рос. гос. б-ка [ред.-сост. Т.К.Батулова, В.П.Зверев]. М.: Пашков дом, 2008. 400 с.
 8. Prilozhenie [Application]. Pushkin A.S. Full coll. of works in 10 vols, vol. 3. Leningrad, 1977, p. 466.
 9. Sochineniya Pushkina [Works by Pushkin], ed. by Annenkov (1855), vol. III, p. 39; Zhukovskiy V.A. Posmertnoe izdanie sochineniy Pushkina (1841) [Posthumous publication of works by Pushkin]. Vol. IX; Vengerov S.A., ed. Pushkin. Biblioteka velikikh pisateley [Library of great writers]. Saint Petersburg, 1909, p. 497.
 10. Puteshestvie pilgrima v Nebesnuyu stranu. Allegoricheskiy rasskaz (podobie snovideniya) Dzhona Bun'yana / Perevod s angl. Yu.D.Z. [Bunyan J. Pilgrim's Progress: Journey to Heaven]. Saint Petersburg, <b.g.>. (Here and further pages are given in brackets).
 11. Dzhon Bun'yan. Puteshestvie pilgrima. Dukhovnaya vojna / Perevod s angl. Yu.D.Z. [Bunyan J. Pilgrim's Progress: Journey to Heaven. Spiritual War]. Saint Petersburg, 1878. Predislovie, p. 10.
 12. Surat I.V. Dva syuzheta pozdney liriki Pushkina [Two plots of Pushkin's later poetry]. In: Nepomnyashchiy V.S., ed. Moskovskiy pushkinist IV. Moscow, 1997, p. 66, pp. 51-71).
 13. Motorin A.V. Dukhovnye napravleniya v russkoy slovesnosti XIX veka [Spiritual directions in Russian literature of the 19th century]. Velikiy Novgorod, 2012. 544 p.; Tarasov F.B. Evangel'skoe slovo v tvorchestve Pushkina i Dostoevskogo [Gospel word in the works of Pushkin and Dostoevsky]. Moscow, 2011. 208 p.
 14. Biografiya Svyatogorta, pis'ma ego k druz'yam svoim o Svyatoy gore Afonskoy, do nyne neizdannye i keleynye zapiski. Saint Petersburg, 1866. (Here and further pages are given in brackets) [Biography of Svyatogort, his letters to his friends about the Holy Mount Athos, to now unpublished and privately notes]; Aleksandrova-Osokina O.N. Palomnicheskoe literaturnoe puteshestvie v russkoy literature 1800—1860-kh gg.: russkiy obraz Svyatoy Zemli [On literary pilgrimage in Russian literature 1800-1860-ies: the Russian image of the Holy Land]. Khabarovsk, 2014. 383 p.
 15. Rasskaz Svyatogorta, skhimonakha Selevkiya... [The story of the Holy Mountain, schemamonk Seleucus] Saint Petersburg, 1860 (Here and further pages are given in brackets); Aleksandrova-Osokina O.N. Ibid.
 16. Baturova T.K., Zverev V.P., eds. Prepodobnyy Serafim Sarovskiy i russkaya literatura [St. Seraphim of Sarov and the Russian literature]. Moscow, 2004. 300 p.
 17. Baturova T.K., Zverev V.P., eds. «Gryadite s Bogom!». Prepodobnyy Serafim Sarovskiy i dukhovnost' russkoy literatury XIX veka [“He that cometh to God!”. St. Seraphim of Sarov and the spirituality of the Russian literature of the XIX century]. Moscow, 2008. 400 p.

References

1. Belinskiy V.G. Stikhotvoreniya M.Yu.Lermontova [Poems by Lermontov]. Coll. of works in 9 vols, vol. 3. Moscow, 1978, p. 254.
2. Gershenzon M.O. Mudrost' Pushkina [Wisdom of Pushkin]. Moscow, 1919. 465 p.
3. Skatov N.N. Russkiy geniy. Nauchno-khudozhestvennaya biografiya A.S.Pushkina [Russian genius. Scientific and artistic biography of Pushkin]. Moscow, 1999, pp. 526-589.
4. Pushkin A.S. Full coll. of works in 17 vols, vol. III. Moscow; Leningrad, 1948. (volume and page are given in brackets).
5. Garicheva E.A. “Mir stanet Krasota Khristova” kategoriya preobrazheniya v russkoy sloves-nosti XVI—XX vv [“The world will be beauty of Christ” in the category of transformation of Russian literature 16th-20th centuries.]. Velikiy Novgorod, 2008. 296 p.
6. Pushkin A.S. Ob"yasnenie [Explanation]. In: Pushkin A.S. Full coll. of works in 17 vols, vol. 12. Moscow, 1996, pp. 133-134.
7. Anoshkina-Kasatkina V.N. “Svoboda” i “pokoy” — mechty poetov (filosofskie razmyshleniya v russkoy poezii XIX veka) [“Freedom” and “peace” — the poet's dream (philosophical reflections in the Russian poetry of the 19th century)]. In: Anoshkina-Kasatkina V.N., Shmeleva A.V., eds. Literatura i istoriya. XIX vek, iss. V. Moscow, 2013, pp. 19-41.